

УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕХАНИЗМАХ МНОГОСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н.В. Стапран

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

После завершения холодной войны, когда Советский Союз был закрыт от регионального сотрудничества, традиционно полагаясь на двусторонние связи с отдельными союзниками, Россия значительно активизировала своё участие в многосторонних механизмах в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и явно стремится стать заметным игроком в региональном институциональном строительстве. За два постбиполярных десятилетия Россия оказалась вовлечённой практически во все основные механизмы многостороннего взаимодействия в АТР. Однако Россия по-прежнему зачастую не воспринимается азиатскими партнёрами в качестве равноправного участника Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно остро это ощущается в области многостороннего экономического взаимодействия.

Со вступлением России в ВТО с мёртвой точки сдвинулся процесс вовлечения России в многосторонние экономические структуры. Включение России в переговорный формат АСЕМ (2010 г.) и ВАС (2011 г.) свидетельствует о том, что азиатские страны готовы видеть в России не только полноправного участника региональных процессов, но и глобального игрока. Главным стимулом для пересмотра азиатского направления внешней политики и роли Сибири и Дальнего Востока становится проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., на котором проявились две очень важные тенденции: с одной стороны, саммит АТЭС продемонстрировал геостратегическую важность развития территорий Дальнего Востока и Сибири как ключевого элемента вхождения России в механизмы регионального взаимодействия, с другой, – оформилось сознание того, что без участия зарубежных партнёров невозможно эффективное развитие дальневосточных территорий. Масштабные инвестиционные и инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке уже значительно оживили ситуацию в регионе, открыв новые возможности для многостороннего взаимодействия, и есть уверенность, что стабильная экономическая ситуация позволит данной тенденции сохраниться и в дальнейшем.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия, региональное сотрудничество, интеграция, АТЭС, АСЕАН, АРФ, безопасность, сотрудничество, многостороннее взаимодействие.

Наряду с двусторонними отношениями, важное место во внешнеполитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе занимает сотрудничество в рамках многосторонних механизмов взаимодействия, деятельность которых особенно активизировалась в 1990–2000-х гг. и которые фактически формируют новый каркас региональной архитектуры. Для современной России, как и ранее для Советского Союза, продолжает существовать «евро-азиатская дилемма», которая заключается в несоответствии реального географического потенциала страны (75% территории расположены в Азии) существующим экономическим и политическим институтам и механизмам ориентированным в западном направлении. Известно, что до 90% внешнеторгового оборота СССР/России приходилось в разные годы на страны США и Европы.

Такая ориентация на Запад долгое время не позволяла совершать значительных прорывов в области многостороннего сотрудничества в АТР. Советская дипломатия в 1950–1970-х гг. при выработке своей внешнеполитической стратегии как в двусторонних контактах, так и в отношении многосторонних механизмов сотрудничества в первую очередь действовала по правилам блоковой конфронтации и идеологического противостояния. Она стремилась любыми средствами завоевывать политическую поддержку максимально большего количества стран третьего мира. Развитие отношений с нейтральными и антизападными странами проходило под лозунгом поддержки национально-освободительного движения и борьбы против «западного империализма и колонизации». Следуя этой логике, советское руководство приветствовало результаты Бандунгской конференции 1955 г.

В 1960–1970-х гг. Советский Союз активно поддерживал движение Неприсоединения, видя в нём «объективное антиимпериалистическое содержание» и считая его неотъемлемой частью более глобальной стратегии, направленной на ослабление военно-политических связей Запада со странами третьего мира [3]. Именно через механизмы движения Неприсоединения предполагалось вовлечь в жизнь проект советского руководства о создании Коллективной системы безопасности стран Азии.

Известно, что в июне 1969 г. на Всемирной конференции коммунистических партий в своей речи Л.И. Брежnev вслед за предложением о созыве Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе заявил о необходимости создания азиатской системы коллективной безопасности [2]. Вероятно, это была попытка заполнить вакuum, возникший после объявления о выводе американских войск из Вьетнама и ухода британских военных из Юго-Восточной Азии. На фоне обострившегося советско-китайского противостояния в этой инициативе отразилось стремление СССР сформировать единый антикитайский фронт в регионе. А это значило, что

потенциально данная инициатива и призыв были адресованы Индии как основному протагонисту Китая в регионе.

Идея коллективной безопасности в Азии представляла собой глобализированную версию инициативы по региональному сотрудничеству в Южной Азии. Она была выдвинута Советским Союзом несколькими месяцами ранее в связи с успехом советской дипломатии в урегулировании индо-пакистанского конфликта 1966 г. Осознав к 1973 г., что приверженность политике неприсоединения не позволяет Индии и многим другим странам третьего мира открыто поддерживать советскую инициативу, Москва объявила о невоенном характере инициативы. Она предложила при её реализации опираться на принципы Бандунгской конференции [1]. Апелляция к принципам мирного сосуществования также не увенчалась успехом, в результате советское предложение официально одобрили лишь Монголия и Иран.

Из-за всё ещё закрытых архивных данных того периода на данный момент историки не обладают достаточно полной информацией об истинных предпосылках и целях данной инициативы, а также о причинах её фактического провала. Можно предположить, что главным препятствием на пути реализации данной стратегической инициативы стала жёстко негативная реакция Китая, которая заставила многие государства региона воздержаться от поддержки советского проекта. В частности, именно из-за недовольства Китая в стороне остались верные советские союзники – Северная Корея и Северный Вьетнам.

Налицо была противоречивость самой инициативы. С одной стороны, кроме страха перед Китаем, идея коллективной безопасности не несла ничего, что могло бы привлечь азиатские страны, при том, что китайская угроза воспринималась ими иначе, чем Москвой. С другой стороны, исключение из инициативы США автоматически предполагало гегемонию СССР, несмотря на все советские уверения в обратном. Малые страны избегали договорных форм отношений, которые могли позволить сильным державам манипулировать ими [4]. Таким образом, не получив желаемой многосторонней поддержки, советский проект создания Азиатской системы коллективной безопасности постепенно прекратил своё существование.

Надо признать, что, по сравнению с западноевропейским, азиатское направление так и не смогло занять достойного самостоятельного места во внешнеполитической стратегии Советского Союза. Однако, для многостороннего сотрудничества было найдено удобное концептуальное решение «евро-азиатской дилеммы». Оно вidelbergось в глобальном, а не региональном характере большинства многосторонних инициатив. Подобная склонность к внешнеполитическому глобализму определённо имеет ряд преимуществ и, несомненно, является наиболее выгодной, и даже единственно возможной линией внешнеполитического поведения такой крупной дер-

■ Международные отношения

жавы, как Россия. Именно в рамках глобальной стратегии многосторонняя дипломатия на афро-азиатском направлении имеет максимальный потенциал для развития.

Среди наиболее ярких глобальных инициатив советского периода, которые оказали непосредственное влияние на формирование афро-азиатской политики СССР, можно назвать деятельность Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). К середине 1980-х гг. СЭВ, задавшись целью сформировать единый социалистический рынок, представляя собой не очень удачную «социалистическую» альтернативу западноевропейской «капиталистической» интеграции в рамках Европейского экономического союза (впоследствии – Евросоюз ЕЭС).

Несмотря на наличие ряда крупных индустриальных и промышленных проектов (гидроэлектростанции, металлургические комбинаты), а также программ экономической помощи (Индия, Алжир, Сирия, Ирак, Никарагуа, Ангола), отличительной чертой большинства советских многосторонних инициатив в Азии было превалирование военной и идеологической составляющих по сравнению с экономической. За активной идеологической риторикой и стремлением максимально расширить лагерь политических союзников чаще всего скрывалось игнорирование советским руководством интересов экономического развития собственных территорий.

Военная помощь, масштабные зарубежные проекты и огромные финансовые вливания в экономики дружественных стран никак не способствовали экономическому развитию прилегающих к АТР территорий Сибири и Дальнего Востока. Ошибочность данного подхода стала особенно очевидна в конце 1980-х гг., когда окончание холодной войны постепенно свело на нет идеологическую риторику, а находившаяся в состоянии глубокого кризиса советская экономика окончательно потеряла способность финансово и материально поддерживать зарубежный авторитет СССР. Формально декларируя свою принадлежность к Азиатско-Тихоокеанскому региону, слаборазвитые и малонаселённые территории советского Дальнего Востока и Сибири на практике были исключены из любых механизмов регионального экономического взаимодействия, а Советский Союз воспринимался в регионе как «посторонний» участник.

Стремление изменить негативный имидж СССР в регионе (и при этом вывести национальную экономку из кризиса) стало главной целью нового внешнеполитического мышления советского руководства во главе с М. С. Горбачёвым. В июне 1986 г., впервые за 20 лет после встречи Л. И. Брежнева и Г. Форда во Владивостоке в 1974 г., руководитель государства посетил Владивосток и именно там обозначил приоритеты новой «восточной политики». В 1988 г. в Красноярске цели и приоритеты внешней политики СССР в Азии были раскрыты М. С. Горбачёвым более подробно. Помимо необходимости улучшения

двусторонних отношений с азиатскими соседями (Южная Корея, КНР, Япония), М. С. Горбачёв призвал более активно включаться в механизмы многостороннего взаимодействия, налаживать экономические связи и снижать уровень гонки вооружений в регионе, заявил о необходимости созыва в Азии конференции по безопасности и сотрудничеству, аналогичной европейской. Советский лидер впервые указал на необходимость увязывать внешнеполитическую стратегию с потребностями и приоритетами развития Дальнего Востока и Сибири. Таким образом, владивостокская речь М. С. Горбачёва заложила основы будущей российской стратегии в Азии. Многие обозначенные в ней ориентиры пережили коллапс СССР и последовавшее за ним трудное десятилетие 1990-х гг. и сохранили свою актуальность для российской политики в АТР в XXI в.

Можно выделить три основных этапа постбиполярного формирования многосторонней региональной архитектуры в АТР и участия в нём России.

– *Первый этап* начался сразу после завершения холодной войны. Уход с азиатской арены СССР не повлёк за собой таких губительных последствий для региональной стабильности, как это случилось в Европе. Даже наоборот, прекращение межблоковой конфронтации положило конец ряду региональных конфликтов. В частности, была урегулирована ситуация в Камбодже. Бывшие советские союзники быстро нашли своё место в формирующемся региональной системе. Так, Вьетнам уже в 1995 г. стал полноправным членом АСЕАН.

В начале 1990-х гг. Азия вступила в эпоху «истинного» регионализма, когда азиатские страны начинают активно налаживать сотрудничество друг с другом, следуя прежде всего объективным экономическим интересам, а не оглядываясь на идеологическую и политическую блоковую принадлежность. Несмотря на присутствие в регионе «великих держав», всё более заметную роль стали играть развивающиеся страны, выступавшие локомотивом интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии. Количество и разнообразие порой дублирующих друг друга механизмов достигло такого уровня, что к концу 1990-х гг. АТР стали сравнивать с «тарелкой спагетти» (spaghetti bowl), настолько запутанным было многообразие многосторонних инициатив в регионе. Но активизация внутрирегионального взаимодействия не нарушила баланса сил, военно-политическое превосходство США и доминирующее экономическое положение Японии в регионе не подвергались сомнению.

На этом этапе Российской Федерации пришлось фактически заново выстраивать не только двусторонние отношения, но и активно включаться в многосторонние группировки, в чём она весьма преуспела, несмотря на катастрофическую внутриэкономическую ситуацию.

– *Второй этап* начался вместе с азиатским кризисом 1997 г., в результате которого АТР утра-

тил стратегическое равновесие. Главной причиной этого стало появление новых локомотивов развития и центров политического, военного и, прежде всего, экономического притяжения. В данном случае речь идёт о Китае, наиболее безболезненно преодолевшем кризис и фактически сместившем с доминирующих позиций в регионе Японию и США. Именно в этот период в АТР наблюдается процесс стремительного увеличения количества как двусторонних, так и многосторонних экономических инициатив, наиболее яркой из которых стало заключение в 2002 г. Соглашения о зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН.

В то же время инициированный США и их союзниками (Австралией и Японией) многосторонний механизм торговой либерализации АТЭС в этот период обнаруживает свою полную несостоятельность и неспособность достичь ни одной из поставленных целей. Сентябрьские события 2001 г. в США негативно сказались на их военно-политическом авторитете, подвергая сомнению их способность гарантировать безопасность своих союзников.

Россия на этом этапе, к сожалению, своевременно не проявила должной активности в регионе, достаточно долго и тяжело восстанавливаясь после экономического кризиса и преодолевая внутриполитическую нестабильность. Российская дипломатия, можно сказать, упустила удобный момент для активного вхождения в АТР. Лишь в 2005 г. В.В. Путин появляется в статусе гостя на саммите АСЕАН+6 в Куала-Лумпуре и заявляет о стремлении России включиться в региональное взаимодействие, однако вплоть до 2011 г. её стремление не получало поддержки азиатских соседей.

– Начало третьему этапу региональной интеграции положил глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., порождённый неспособностью Запада контролировать экономические процессы в мире в целом и в АТР в частности. Этот кризис продемонстрировал эффективность существующего в регионе экономического взаимодействия и важную стабилизирующую роль Китая и Индии. Данный кризис не только сместил центр мировой силы в Азиатский регион, но и передал бразды антикризисного правления в руки азиатских лидеров. Ярким подтверждением этого стало формирование глобально угруппировки «Группа двадцати», в которую, помимо участников «Группы восьми», вошли в том числе растущие азиатские гиганты – Индия, Китай, Индонезия.

Как показывают первые результаты, на этом этапе Россия использует максимум своих возможностей для активного вхождения в многосторонние региональные и глобальные механизмы, чему, в первую очередь способствует председательство России в АТЭС (2012 г.).

Остановимся подробнее на отдельных многосторонних механизмах, следуя хронологической последовательности вступления в них России. Первым расширенным многосторонним механиз-

мом на базе АСЕАН после окончания холодной войны стал Региональный форум АСЕАН (АРФ) по безопасности. Учитывая, что с момента окончания Второй мировой войны до начала 1990-х гг. ни одна общерегиональная коалиция в области безопасности в Азии так и не была сформирована, данный механизм стал основной платформой обсуждения всех аспектов обеспечения мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предполагалось, что дискуссия в рамках форума начнётся с мер доверия в противодействии терроризму и транснациональной преступности, по проблемам нераспространения и разоружения, а также чрезвычайных ситуаций.

Далее обсуждение должно было перейти к инструментам превентивной дипломатии и на последнем этапе считалось, что страны уже смогут говорить о формировании реальных механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов. Однако, за последние 20 лет участники не смогли продвинуться далее первого этапа, ограничивались проведением ежегодных встреч и конференций. Россия совместно с Малайзией и Австралией в рамках форума курирует вопросы кибербезопасности и борьбы с кибертерроризмом.

Ни один из возникавших за это время в регионе конфликтов не был урегулирован с помощью данного механизма, для этого использовались другие механизмы. Например, для решения проблем корейского полуострова в 2003 г. был организован отдельный альтернативный переговорный процесс, получивший название «Шестисторонние переговоры» (по числу участников переговоров: США, Япония, КНР, Россия, КНДР и Республика Корея). Однако он не увенчался успехом и через несколько лет фактически был заморожен. Всё это свидетельствовало о сохраняющемся высоком уровне взаимного недоверия и очевидной неготовности стран к откровенному обсуждению вопросов безопасности в рамках всего региона.

Вслед за участием в АРФ Россия в 1996 г. начинает налаживать контакты с АСЕАН в формате АСЕАН+1 и получает статус партнёра по диалогу. В первые годы основное внимание диалогового партнёрства Россия–АСЕАН уделялось вопросам внешней политики и безопасности. Экономические аспекты появились на повестке дня с 2002 г. Раньше других механизмов заработал Деловой совет Россия–АСЕАН, созданный в 1998 г. С тех пор регулярно проводятся российско-асиановские деловые форумы.

На сегодняшний день на фоне глобальных экономических трудностей и несмотря на определённые проблемы, развитие торговли между сторонами демонстрирует стабильную положительную динамику – с \$1 млрд в 2000 г. до \$15 млрд в 2011 г. Хотя в общем торговом обороте друг друга АСЕАН и Россия продолжают занимать совсем незначительное место, демонстрируя явный нереализованный потенциал. Так, в 2010 г. удельный вес АСЕАН в совокупном

■ Международные отношения

российском экспорте составил 1,8%, в импорте – 2,2%. Пока экономическая статистика говорит о том, что формат АСЕАН+1 с участием России далеко не так важен для стран Юго-Восточной Азии, как диалоговые форматы с Соединёнными Штатами, Китаем или Японией [5].

Важным направлением сотрудничества России и АСЕАН является обсуждение вопросов либерализации и подключения России к интеграционным процессам. Хотя перспективы создания единой зоны свободной торговли (ЗСТ) Россия – АСЕАН окончательно не определены, Россия проводит апробацию формата ЗСТ со странами АСЕАН в форме заключения Соглашения о ЗСТ между странами Таможенного союза и Вьетнамом.

Особое место в системе многосторонних механизмов в АТР занимает форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). Россия стремилась войти в состав участников форума с момента его основания, но приобретение членства АТЭС оказалось непростой задачей. Главным доводом противников вступления России в АТЭС был незначительный объём торговли со странами АТР, не более 0,4%. Это было прямым нарушением основного условия членства в организации, обозначенного в уставных документах, – «наличия существенных экономических связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом». Ещё одним препятствием для членства России были опасения некоторых малых и средних экономик АТЭС, что добавление ещё одной большой страны ослабит их позиции и увеличит риск превращения форума в арену противоборства великих держав.

В начале 1990-х гг. АТЭС казался наиболее эффективным механизмом многостороннего экономического взаимодействия, ставившего целью формирование в регионе единого экономического и информационного пространства и создание открытой многосторонней торговой системы. Однако в середине 2000-х гг. стало ясно, что поставленные цели не могут быть реализованы, а либерализация гораздо активнее происходит в более узких двусторонних форматах и в рамках АСЕАН. В связи с этим авторитет и дееспособность АТЭС стали подвергаться сомнению.

После присоединения к форуму АТЭС в 1998 г. Россия некоторое время занимала выжидательную позицию, так как большинство обсуждавшихся в рамках форума тем были далеки от реальных возможностей российской внешнеэкономической стратегии. Однако уже с середины 2000-х гг. тема либерализации торговли и инвестиций, а также перспектив присоединения России к региональным интеграционным объединениям получила активное развитие. В конце 2011 г. Россия присоединилась к ВТО, что дало ей возможность на равных участвовать в обсуждении вопросов экономической либерализации в рамках АТЭС.

Сейчас АТЭС является скорее дискуссионной площадкой, свободным консультативным форумом с некоторыми чертами интеграционно-

го объединения и рассматривается как свободная «совокупность экономик». Принцип открытого регионализма, декларируемый участниками, предполагает высокую степень свободы выбора комфортных для каждой отдельной экономики механизмов торговой либерализации, а принцип консенсуса при принятии решений и вовсе даёт право критикам говорить о «триумфе процесса над содержанием».

С одной стороны, подобная необязательность и свобода выбора приводит к значительной разобщённости и разнородности экономик, что препятствует созданию единой зоны свободной торговли и инвестиций в рамках АТЭС (сроки, обозначенные в Богоявленской декларации не были соблюдены), с другой – именно принцип открытого регионализма позволил многим странам, в том числе и России, стать участниками форума. Россия до 2011 г., не будучи членом Всемирной торговой организации (ВТО) и не имея ни одного интеграционного соглашения с членами АТЭС, тем не менее, на равных принимала участие в обсуждении интеграционной тематики.

Вопросы либерализации торговли в рамках АТЭС Россия рассматривает с учётом принятых на себя обязательств в рамках Единого экономического пространства и Таможенного союза с Казахстаном и Белоруссией. Участие в ЕЭП в ряде случаев значительно осложняет процесс принятия решений, однако одновременно является первым успешным примером самостоятельной интеграционной инициативы, реализованной Россией. На 2014 г. запланировано создание зоны свободной торговли между Таможенным союзом (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Вьетнамом, продолжаются переговоры с Новой Зеландией, прорабатывается вопрос о возможности создания зоны свободной торговли с АСЕАН. Создание той или иной формы интеграционного объединения России с отдельными странами АТЭС будет иметь немалый эффект для изменения товарной структуры российского экспорта.

По инициативе Японии с 2005 г. ежегодно стали проводиться встречи на высшем уровне в формате АСЕАН+6, получившие название Восточноазиатские саммиты (ВАС) (КНР, Япония, РК, Индия, Австралия, Новая Зеландия), а с 2011 г. после длительного переговорного процесса к участию были приглашены Россия и США.

До присоединения России и США участники ВАС в основном сосредоточивались на рассмотрении экономических аспектов сотрудничества, предотвращении и борьбе с последствиями стихийных бедствий, вопросов энергетики, образования, здравоохранения. Присоединение Москвы и Вашингтона вывело на первое место в повестке дня политические вопросы безопасности, так как за одним столом переговоров впервые собрались все ведущие государства АТР. Главной инициативой России стало формирование в АТР открытой системы безопасности, основанной на принципах равноправия, неделимости и многополярности [6].

Декларативно признавая важность ВАС и

позиционируя себя как важного участника формирующейся региональной архитектуры, Россия нередко заявляет о своём желании играть первую скрипку в деле выдвижения сферы безопасности на повестку дня АТР. Однако за три года своего членства российские лидеры ни разу не приняли участия в саммитах ВАС, всё это время страна была представлена на них на уровне министра иностранных дел. Такое последовательное игнорирование российскими лидерами участия в саммитах ВАС, особенно на фоне успехов, достигнутых в рамках председательства в АТЭС, в очередной раз подтверждает факт отсутствия на данный момент последовательной и систематизированной тихоокеанской стратегии, несмотря на понимание стратегической важности Тихоокеанского направления внешней политики. По привычке российская дипломатия отдаёт предпочтение развитию двусторонних контактов, уделяя многосторонним механизмам второстепенную роль.

Россия является одним из самых молодых участников АТР. После завершения холодной войны, периода, когда Советский Союз был закрыт от регионального сотрудничества, традиционно полагаясь на двусторонние связи с отдельными союзниками, – Россия значительно активизировала своё участие в многосторонних механизмах в Азиатско-Тихоокеанском регионе и явно стремится стать заметным игроком в региональном институциональном строительстве. За два постбиполярных десятилетия Россия оказалась вовлечённой практически во все основные механизмы многостороннего взаимодействия в АТР.

Однако, несмотря на это и на наличие обширного тихоокеанского побережья, Россия по-прежнему зачастую не воспринимается азиатскими партнёрами в качестве равноправного участника АТР. Особенно остро это ощущается в области многостороннего экономического взаимодействия. Главная причина сохраняющейся периферийной роли России в АТР кроется в том, что доля российского участия в региональном то-

варообороте за последние 20 лет практически не увеличилась и составляет всего около 1%. Россия, отказавшись от деструктивной конфронтационной практики Советского Союза в регионе, так и не удосужилась обзавестись новой конструктивной тихоокеанской стратегией. Территориально принадлежащие АТР регионы Дальнего Востока до середины 2000-х гг. оставались периферийными во внутренней политике, а соответственно малопригодными для полноценного включения в региональные экономические процессы.

С начала 2010-х гг. ситуация начинает меняться, участие России в многосторонних группировках интенсифицируется. Со вступлением России в ВТО и формированием ЕЭП (России, Казахстана и Белоруссии) с мёртвой точки сдвинулся процесс вовлечения России в многосторонние экономические структуры. Включение России в переговорный формат АСЕМ (2010 г.) и ВАС (2011 г.) свидетельствует о том, что азиатские страны готовы видеть в России не только полноправного участника региональных процессов, но и глобального игрока.

Главным стимулом для пересмотра азиатского направления внешней политики и роли Сибири и Дальнего Востока стал проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., в ходе реализации которого проявились две очень важные тенденции. С одной стороны, саммит АТЭС продемонстрировал геостратегическую важность развития территорий Дальнего Востока и Сибири как ключевого элемента не только включения России в механизмы регионального взаимодействия, но и формирования евразийского пространства, с другой, – у российского руководства оформилось понимание того, что без участия зарубежных партнёров невозможно эффективное развитие дальневосточных территорий. Масштабные инвестиционные и инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке уже значительно оживили ситуацию в регионе, открыв новые возможности для многостороннего взаимодействия, и есть уверенность, что стабильная экономическая ситуация позволит данной тенденции сохраниться и в дальнейшем.

Список литературы

1. Buszunski L. Soviet Foreign Policy and Southeast Asia, Routledge, 2013, p. 62.
2. Horelick A.L. The Soviet Union's Asian Collective Security Proposal: A Club in Search of Members, Pacific Affairs, vol. 47, no. 3 (Autumn, 1974), pp. 269–285.
3. Nivedita Das Kundu. Non-Alignment Movement and its significance [Электронный ресурс] // Valdai Discussion Club, 09.10.12. Режим доступа: <http://valdaiclub.com/asia/49820.html>
4. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997, с.167.
5. Лавров С. Стенограмма комментария для СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам участия в совещании глав МИД стран Восточноазиатских саммитов, о. Бали (Индонезия), 22 июля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/5C867FB397CCCEBAC32578D6001F9A53
6. Никонов В., Толорая Г., К.М. Барский, Г.И. Чуфрин, Ю.А. Дубинин, В.И. Трифонов. Тихоокеанская стратегия России [Электронный ресурс]. АТССБ, 09.07.2010. Режим доступа: http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/events/advertisement/docs/Nikonov_080710.pdf

■ Международные отношения

Об авторе

Стапран Наталья Валерьевна – к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: nastastapran@gmail.com

RUSSIA'S PARTICIPATION IN MULTILATERAL MECHANISMS IN EAST ASIA

Natalya Stapran

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: After the end of the Cold War Russia has significantly increased its participation in multilateral mechanisms in the Asia-Pacific region and is clearly trying to become a significant player in regional institution-building. For two post-Cold War Russia decades was involved in almost all the basic mechanisms of multilateral cooperation in the Asia-Pacific region. However, often Russia isn't perceived by Asian partners as an equal participant in the Asia-Pacific region, it is felt particularly in the area of multilateral economic cooperation.

Russia's entry into the WTO (2011) and the formation of the Common Economic stimulated Russia's engagement in multilateral economic structures. Russia's inclusion in the negotiating framework of ASEM (2010) and EAS (2011) perceives that Asian countries are willing to see Russia as a full member not only in regional processes, but also globally.

The main stimulus for the revision of the Asian direction of foreign policy and the role of Siberia and the Far East appears during APEC summit in Vladivostok in 2012. The APEC summit demonstrated the geostrategic importance of the development of the Russian Far East and Siberia, as a key element of Russia's inclusion in the mechanisms of regional cooperation, on the other hand, it became clear that without the participation of foreign partners effective development of the Far Eastern territories is hardly possible. Large-scale investment and infrastructure projects in the Far East has already significantly revived the situation in the region opening new opportunities for multilateral cooperation.

Key words: Russia, Asia-Pacific region, Foreign policy, Pacific strategy, APEC, ASEAN, cooperation, integration, regionalism

References

1. Buszunski L. Soviet Foreign Policy and Southeast Asia, Routledge Publ., 2013, p. 62.
2. Horelick A.L. The Soviet Union's Asian Collective Security Proposal: A Club in Search of Members. Pacific Affairs, vol. 47, no. 3 (Autumn, 1974), pp. 269-285.
3. Nivedita Das Kundu. Non-Alignment Movement and its significance. Valdai Discussion Club, 09.10.12. Available at: <http://valdaiclub.com/asia/49820.html>
4. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) [The great powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II]. Moscow, Konvert — MONF Publ., 1997, p.167. (In Russian)
5. Lavrov S. Stenogramma kommentariya dlya SMI Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova po itogam uchastiya v soveshchaniy glav MID stran Vostochnoaziatskikh sammitov, o. Bali (Indonezia) [Press comments of the Russian Foreign Minister on the outcomes of the EAS foreign ministers' meeting. Bali, Indonesia]. July 22, 2011. Available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5C867FB397CCCEBAC32578D6001F9A5 (In Russian)
6. Nikonorov V., Toloraya G., K.M.Barskiy, G.I. Chufrin, Yu.A. Dubinin, V.I. Trifonov. Tikhookeanskaya strategiya Rossii [Russia's Pacific Strategy]. The report of the Russian National Committee of the Council for Security Cooperation. Available at: http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/events/advertisement/docs/Nikonorov_080710.pdf (In Russian)

About the author

Natalya V. Stapran – PhD, Associate Professor of Department of oriental studies MGIMO-University. E-mail: nastastapran@gmail.com